

В.Л. Каганский

Институт географии РАН

ПУТЕШЕСТВИЯ ТЕОРЕТИКА

Сокращенная журнальная версия (глава из одноименной книги)

Ведено представление о ранее неизвестном способе (жанре) исследования, одновременно и теоретического и полевого — путешествия теоретика. В методологическом эссе представлены его профессиональные и личностные основания, личностное знание, техники путешествия и умозрения, особенности креативности и результативности, специфика маршрутов и работы с местами и концептами, основные типы результатов. Эскизно приведены примеры концептуального чтения конкретных мест.

Ключевые слова: *географ, географ-теоретик, Земля, знание, идея места, ковер культурных ландшафтов, культурный ландшафт, ландшафт, ленточные боры, место, познание, познавательное путешествие, полисеть, путешествие, содержание, специфика, теоретизирование, теоретическая география, теоретическая работа, теоретическое полевое исследование, умозрение, умозрение ландшафта, уникальность, форма. Россия, Северная Евразия, Подмосковье, Камчатка, Агрыз, Красноярск, Байкал, Арзамас-16, Санкт-Петербург, Ветлуга.*

V.L. Kaganski

Institute of geography, Russian Academy of Sciences

TRAVEL THEORIST

Introduced the idea of previously unknown method (genre) of the study, both theoretical and field — travel theorist. Methodologically, the essay presents his professional and personal Foundation, personal knowledge, equipment and journey of speculation, the causes of creativity and effectiveness, logistics, and working with places and concepts, the main types of results. Sketched examples of conceptual readings of specific locations.

Keywords: *geographer, geographer and theorist, Earth, knowledge, idea places, the carpet of cultural landscapes, cultural landscape, landscape, ribbon forests, place, knowledge, learning journey, Poliset, travel, content, specificity, theorizing, theoretical geography, theoretical work, the theoretical field study, speculation, speculation, landscape, uniqueness, form. Russia, North Eurasia, Moscow, Kamchatka, Agryz, Krasnoyarsk, Baikal, Arzamas-16, Saint Petersburg, Vetluga.*

Географ¹, ведя полевые исследования, работая «в поле» ищет и исследует такой материал, который нельзя найти нигде иначе. Материал для географического постижения и исследования распределен по всей поверхности Земли. Он не может быть достаточно содержательно и полно представлен лишь коллекциями, базами данных, корпусами карт и снимков etc. Необходим прямой распределенный доступ в соответствии с формой того, что именно постигается. Ведут полевые исследования и путешествуют представители многих разных профессий, часто это атрибут и

существенный компонент профессиональной деятельности и жизни. Поскольку выделение специфики **путешествия** ранее уже проведено², акцентирую специфику путешествования

¹ Ключевые понятия выделены полужирным шрифтом, новые вводимые понятия подчеркнуты, ключевые суждения даны курсивом.

² Путешествие — активное включенное постижение разнообразия ландшафта путем движения в трех сопряженных пространствах: ландшафта, личностном и когнитивном, имеющих общие узловые точки. Движение в среде без взаимодействия с ней, с внешней утилитарной целью, хаотические, случайные, стандартные, дискретные перемещения — не путешествия. Путешествие — не пассивное отражение мест: перемещение исключительно ради поглощения или порождения потока образов — не путешествие, как и туризм. Собственно путешествия — лишь один из многих типов перемещений, однако оно семантически и культурно выделено. Путешествия не обратимы (и личностно и когнитивно), безвозвратны, невоспроизводимы, полиномичны (полиреальны), полимасштабны, открыты. Перемещения по череде мест ради постижения разнообразия ландшафта, личное непосредственное переживание, познание и выражение специфики мест, прямое сравнение, динамическая экспертиза, способ постижения в широком смысле. Именно путешествия обеспечивают непосредственный контакт с ландшафтом лицом

© Каганский В.Л., 2018

Каганский Владимир Леопольдович,

к. геогр. н.,

старший научный Института географии РАН, г. Москва,

kaganskyw@mail.ru

ния географа-теоретика. Теоретик — любой исследователь — явно либо неявно опирается на неопределенного-широкий массив своего личностного знания. Только это доказывает необходимость путешествий. Но непосредственно концепции-то (теории, спекуляции) он выращивает, исходя из немногих априорных постулатов, очень отдаленно и опосредованно связанных с эмпирической реальностью. Путешествие ради проверки концепций? — но путешествие для этого вряд ли подходит, и это отнюдь не дело теоретика — проверять концепции. Теоретический и эмпирический равно реальны и равно презентируют реальность, хотя и совсем по разному; они равноправны. В силу тех же причин теоретик-в-путешествии не ищет обычный материал.

Разумеется, путешествие — креативное состояние, утончение и углубление реального и мысленного взора; у теоретика они слиты: **зрение географа-теоретика — умозрение ландшафта.** Теоретизирование осуществляется прямо и непосредственно в ходе самого путешествия, это не два разных компонента одной деятельности — но два её аспекта — **теоретическое полевое исследование³**. Это исследование — путешествие, и одно из его пространств — теоретический мир, **пространство теоретических объектов**. Маршрут такого путешествия в идеале определяется теоретическим ландшафтом и проецируется на реальный. Но теоретическая работа во всей полноте не осуществляется непосредственно в ходе самого путешествия. Теоретизирование в полном объеме, с развертыванием и эксплицированием понятий и концепций — работа творческая и одновременно очень кропотливая. Допускаю однако, что она может осуществляться прямо в ходе путешествия, хотя примеров не знаю. Даже совершившие многолетние путешествия А. Гумбольдт и П.С. Паллас (немного прошел его путями) материалы обрабатывали по возвращении. Вряд ли возможно совместить напряженное всматривание в ландшафт с «теоретическим реагированием», трудный, хлопотный походно-полевой быт — с теоретизированием в полном объеме. Дело еще и в том, что излишнее воодушевление вредит кропотливой камеральной теоретической работе; воодушевление неизбежно и желательно при рождении исходной идеи — потом же требуется еще и иное... Впрочем, этот очерк имеет главным основанием собственный опыт на фоне опыта и рефлексии иных путешественников. **Путешествия теоретика — теоретическая работа, но отнюдь не вся теоретическая работа.** Привозишь / приносишь не законченные концепции, а точки, почки роста, зерна и зародыши концепций, эвристики,

концептуальные образы и метафоры, яркие живые фрагменты. Груз идей — самая приятная и ценная часть багажа, его распаковка —最难нейшая часть работы по возвращении: тут и радости успешной работы мысли и глаза, и сетования об упущенном и когнитивный диссонанс.

Привозишь и просто нетривиальные наблюдения — в силу самого состояния путешественности, ведь оно дает неожиданный угол зрения, расширение поля наблюдения, и — что не менее важно — обширные поля интерпретаций. Именно за счет концептуального видения как системы вопросов и концепций как вариантов ответа на них. Видишь, вернее — усматриваешь — часто (не всегда!) то, что можешь хоть как-то почувствовать, выразить, зафиксировать, интерпретировать, понять, вербализовать, категоризировать, вставить / вживить в контекст — но теория есть открытая и открывающаяся по-новому в каждом месте система интерпретаций; по крайней мере, такова теоретическая география. Теория, концепция, спекуляция — это еще и огромный комплекс категорий, понятий, концептуальных метафор, логических связок, рассуждений etc. Этот комплекс — хорошо и полиаспектно связный, прошитый «разноцветными» смысловыми нитями; живое тело, пронизанное «сосудами и нервами». Именно этот живой концептуальный комплекс и помогает увидеть и осмыслить виденное; помогают всматриваться — тем самым давая иногда увидеть. Но чаще привозишь из путешествия вопросы, вызовы и проблемы, а не вопросы; **теоретик и видит / мыслит / ландшафт вопрошениями; географ-путешественник — мыслящий-в-движении сгусток ландшафта.** Эти вопросы не изолированы, это единое связное концептуальное поле. Кстати, это объясняет и то, что путешествия, столь влекущие, приятные и воодушевляющие, особенно в юности, собственно продуктивными нередко становятся позднее, в зрелости, когда это концептуальное живое тело уже семантически объемное и сложное. По крайней мере у меня путешествия в первом периоде профессиональной жизни выращивали это концептуальное тело, но сама креативность, рождающаяся в состоянии

к лицу, работа во всем спектре масштабов, основа для интерпретации разнообразных материалов. Путешествия дают новые идеи и эвристики, уникальны наблюдения, креативное состояние, продуктивное в разных сферах и достаточно долгое и устойчивое. См: Каганский В.Л. Путешествие в ландшафте и путешествие в культуре // Культура в современном мире: опыт, проблемы, решения. 2001, вып.2.; Путешествия и границы // Культурное пространство путешествий. — СПб., Центр изучения культуры: 2003 г. Чем именно является путешествие и что путешествием не является? // Труды между. конф. «Власть маршрута» <http://kogni.ru/konf/kagansky.rtf>. Наука странствий // Знание-сила, 2014, 7. Путешествие и туризм // География и туризм. Пермь, 2014. Вып. 13.

³ Впервые — Каганский В.Л. Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство. М.: НЛО, 2001.

путешественности провоцировала творческую фантазию и впоследствии, и это «тело» срабатывало позднее. Нередко смысл конкретного путешествия является себя нескоро, даже спустя десятилетия⁴. Географические открытия рождаются и в путешествиях — *теоретические географические открытия рождаются и из духа путешествий*. Но важнейшее открытие минувшего века — система срединно-океанических хребтов была открыта камерально.

Теоретик может любить «своё место», тип ландшафта (и у меня это есть) и всё путешествовать и путешествовать там — желая «обрести вдохновение», предаться рекреации. Но что же здесь специфичного, чтобы было можно заявлять об особом жанре «путешествие теоретика». Нот дело в том, что такими местами путешествия теоретика такими местами ни в коей мере не ограничиваются.

Бывает, что теоретик участвует в обычных научных экспедициях, других специальных обследованиях мест, туристских походах, романтических путешествиях, перемещается с журналистскими целями, для чтения лекций, консультаций etc — все это у и меня бывало. Но и в этих случаях видение и взгляд теоретика особый.

Разумеется, теоретик, как всякий путешественник, существует сквозь мир феноменов (или это феномены существуют сквозь путешественника), и материал восприятия неизбежно «оседает» в путешественнике⁵. С таким материалом приходится работать — специально и существенно иначе, нежели в экспедициях или туристических странствиях. Нельзя попасться к этому (любому) материалу «в плен» или пойти на поводу пусть у его ярчайшего фрагмента. Нередко этот обретенный материал служит ресурсом для представления знаний, концептуальных схем, идей; яркая, сочная ландшафтная конкретика — материал не столько для концепций, сколько репрезентирующие их риторические средства, особо точные и / или яркие примеры, концептуальные метафоры; просто «голос ландшафта». Но иногда, заметно или незаметно, этот материал преобразуется, нередко очень *косвенно*, в концептуальные схемы.

Ландшафт путешествия — вызов для путешественника и особенно теоретика! Грандиозный вызов — сам культурный ландшафт России в целом, Северной Евразии.

И много есть еще разного — как и для чего, с какими результатами путешествует теоретик. Но как же именно путешествует теоретик, когда у него нет внешнего задания, когда его не ждет по возвращении пустое пространство листа, когда нет спутника, коего надо вести, постоянно на что-то указывая и что-то разъ-

ясняя. Etc. Чистый случай — «бесцельное» путешествие — без внешней цели. Такие путешествия не целеориентированы, но ценностно-ориентированы, не ролевая игра, не функционирование, не выполнение функций самодвижущегося прибора — а жизнь.

Теоретик живет в реальности своих (реже — чужих, но тогда внутренне «омоенных», интегризованных) концепций разной степени законченности, он живет в состоянии концептуального генерирования, постоянной готовности к вспышке идей и схем, усмотрения новых понятий, улавливания или опознания закономерностей; однако большинство из них потом безжалостно, совершенно безжалостно бракуется и отбрасывается. Неизбежно он и всё вокруг в состоянии путешественности видит концептуально. Двойное зрение! *Все органы чувств, особенно зрение, неразделимо слиты у путешествующего теоретика с умозрением.* Но есть и путешествия с акцентуацией иных органов чувств.

Теоретик видит не «реки, селения, горы» — их склейки с теоретическими концептами. Не просто место — специфичный рисунок ландшафта, реализация закономерностей, центральное место, центр узлового района или кромку однородного, результат интерференции нескольких систем зональности, комплексы и переломы характерных направлений, реализация — или нарушение — регулярностей, симметрий, результат позиционной или статусной детерминации... *Конкретное место теоретик видит как реализацию концептуальной схемы, многих схем — или вызов им!* Реальные места и объекты всегда заведомо даны не изолированно, а как узелки полимасштабной ткани ландшафта — это **реализации идеальных форм**. Такой взгляд богаче — по-моему, да... Он беднее и суще — и это, очевидно, так... Важно, что этот взгляд иной.

Я уже говорил о важности контекста для постижения специфики конкретного места — так вот, *концептуальный мир и есть такой громадный и упорядоченный контекст, на фоне которого специфика даже заурядного места видится и понимается глубже, обширнее и ярче*. Опыт показывает, что проходя многоажды пройденными путями, теоретическое умозрение путешествия позволяет понять и нечто иное.

Теперь завершу это затянувшееся введение и систематически займусь *феноменологией путешествия теоретика*. Справедливоosti

⁴ Внутреннюю Периферию знаю с 1970-х — уяснил концептуально в 1990-х (Внутренняя периферия: новая растущая зона культурного ландшафта России // Изв. РАН., сер. Географ., 2012, №6, с. 23-33); дачный бум — с конца 1960-х, понял к 2000 (Дачный бум // Русский журнал http://old.russ.ru/culture/20040706_kag.html), уясняю до сих пор и т.д.

⁵ Некоторые интимные стороны своих путешествий я раскрыл в интервью в журнале «Rīgas Laiks»; выйдет к моменту публикации статьи.

ради подчеркну, что хотя я уверен в общности выводов, выстраиваются эти наблюдения, рассуждения и принципы исходя из общих представлений и проживания собственного опыта. Впрочем, отсутствие универсальности меня как автора ничуть не смущает; при всей пренудительной логической достоверности выводов теоретической работы ее личностные и деятельностные основания дело приватное, глубоко личное и даже интимное.

Исходная позиция — *ситуация путешествования как теоретизирования*. Они могут реализоваться и по-отдельности — это очевидно. Однако в разделяемом мною подходу к географии, ландшафту, теоретической географии эта склейка атрибутивна. Это суждение и автобиографическое и методологическое.

Что такое теоретическая география? Кто такой теоретико-географ?

Охарактеризую путешествующего теоретико-географа. **Теоретически-познающее путешествием живое разумное существо, теоретически-мыслящий сгусток ландшафта.** Географ-теоретик в современной России — адепт некоей версии теоретической географии. Выскажусь о ней предельно кратко⁶.

Мир земной поверхности — не склад, свалка или смесь отдельных предметов и мест в пустом, бесформенно-безразличном или враждебном фоне, а сплошная многослойная ткань, целостный закономерный ковер культурных ландшафтов, сопрягающих природные и культурные компоненты. Места — узелки крова со сложным закономерным рисунком; места осмыслены лишь как детали этого рисунка. Такова исходная предпосылка географии, условие ее осмыслиности, основание предмета. Именно потому ландшафт, яркое и манящее пространство для путешествия — его невозможно постичь без путешествий.

Теоретическая география — общегеографическая теоретическая дисциплина, малая. Теоретических географий возможно много, и принимаемая здесь версия, маркируемая именами В.П. Семенова-Тян-Шанского, Б.Б. Родомана и В.Л. Каганского — **теоретическая география ландшафта** (не пространства!). Это — общегеографическое теоретизирование, в идеале завершающееся предъявлением системы общегеографических принципов и закономерностей. Не входя в тонкости методологии, укажу, что рассматриваемое теоретизирование — теоретизирование в полной мере и смысле, но не физикалистское; точнее — **спекулятивное теоретическое умозрение**.

Подход представляет ландшафт как сплошную физически и семантически территориальную «ткань — сеть — ковер» мест

и природных и культурных компонентов; рисунок такого ландшафта закономерен и теоретически объясним; нередко буквально наблюдаем — непосредственно в путешествии прямо на местности и с высоты / самолета / вертолета и на географических картах и аэрокосмических снимках. Ландшафт представляется как ковер / сеть мест; но и такова и форма концепции. Проблема **линейных и сетевых концептуальных пространств** не уводит в сторону, ведь именно путешествия — в немалой степени в дисциплинарных, социальных и персональных пространствах науки — и явили мне **сложно полисетевую форму знания**. Да имей оно иную форму — я бы не мог там путешествовать... *Возможность путешествования — комплексный индикатор типа пространства [1]*.

*Рисунок ландшафта видится и трактуется как выражение сущности, смысла и специфики ландшафта как такового и ландшафта конкретного места. Теоретическая география — **концептуальная морфология культурного ландшафта**.* Познавательную традицию географии теоретическая география не отбрасывает и не преодолевает — ей наследует. Теоретическая география — не оголтелый модернизм, но **творческий консерватизм** — теоретическое воспроизведение и развитие сердцевины географического профессионализма. Теоретико-географ не манипулирует когнитивно данными — и не играет произвольно образами: он осознанно и творчески живет в ландшафте⁷.

Зачем теоретику путешествовать?

Зачем же теоретико-географу путешествовать? Сообщество географов — и пересекающееся сообщество путешественников — племя, которое может жить, только перемещаясь и «питаясь» разнообразием ландшафта. Можно сказать иначе: разнообразие ландшафта — необходимый, существенный и ничем незаменимый креативный ресурс, не только и

⁶ Родоман Б.Б. ТERRITORIALНЫЕ АРЕАЛЫ И СЕТИ. Смоленск: Ойкумена, 1999; он же География, районирование, картоди: Смоленск: Ойкумена, 2007. Каганский В.Л. Пространство в теоретической географии школы Б.Б.Родомана // Известия РАН, сер. географ., 2009, № 2. Он же. Развивающая критика теоретической географии Б.Б.Родомана // Проблемы теоретической и гуманистической географии. Сб. научн. ст., посв. 80-летию Б.Б.Родомана. — М.: Ин-т наследия, 2013.

⁷ Этот образ жизни вдвое специфичен. Образ жизни географа в среде «Большой Науки» очень малоизвестен и непонятен; даже само наличие научной географии неочевидно. Образ жизни теоретико-географа до сих пор проблематичен для самих географов, как и сама возможность теоретической географии как общегеографического теоретизирования. То и другое приходится разъяснять или даже отстаивать не без издержек. Сообществу неясен или неприемлем статус теоретической работы: принципиальное равноправие с эмпирической, самостоятельность результатов и приложений, особая теоретическая достоверность, равная достоверности эмпирического исследования, но иная; от концепций требуют эмпирических оснований и подтверждений; концепции путают с моделями; едва ли не порицается самостоятельная ценность работы с понятиями; путешествие не принято как особый жанр полевого, но не экспедиционного исследования.

не столько профессиональный, но и жизненный. Путешествия неизбежны; теоретическая география — систематизированный и рафинированный дух путешествий; лишенный путешествий географ чахнет, деградирует и мучительно умирает — или умирает как географ. Непутешествующий географ — не-географ; коллекционер мест — не путешественник.

Основной мотив путешествий теоретика — реализация теоретической работы во всей ее полноте. Дополнительный мотив — познание ландшафта, когда познание иными способами невозможно или крайне затруднено. К примеру, нет эмпирии вообще или нет данных в ином смысле — «данные» несовместимы с концептуальными построениями, невложимы в наличные комплексы понятий. Говоря проще, эти «данные» не могут быть поняты и потому не превращаются в знания; нередко это опасный семантически и психологически мусор⁸. Ситуации практической невозможности эмпирического исследования целой сферы реальности — не редкость, но для методологии науки это нонсенс. Именно таково советское пространство, весь советско-постсоветский ландшафт Северной Евразии и его социокультурная среда. Они доступны как целые — по крайней мере, сейчас — лишь в теоретическом умозрении и даны в техниках путешествий [2].

Описательные дисциплины столь переполнены массивами данных, что даже их хранение стало проблемой; подавляющая их часть не обработана. Это могут быть и отчеты иных путешествующих профессионалов, а не просто какая-то статистическая или картографическая эмпирия. Но я убежден, что концепции любой степени общности выражаются на ограниченных, но личностно-концептуализированных массивах материала. Эти массивы могут быть весьма различны по объему, но они всегда сомасштабны или даже соприродны личности исследователя.

В отличие от путешественников-экстремалов теоретик нередко следует по освоенной местности. Тропы-то пройденные — но маршируют как движение по семейству мест иной; каждое место — особенная позиций. Даже идя ранее пройденными путями, путешественник прокладывает свой и потому новый маршрут.

Где путешествует теоретик?

Места путешествия теоретика (это во многом относится и к путешествию как таковому) должны обладать, по меньшей мере, двумя взаимосвязанными особенностями.

Во-первых, они должны быть *насыщены содержанием*, хотя для путешествий — в отличие от иных способов перемещений любое

место насыщено содержанием в силу самого понятия путешествия, а ландшафт — в силу самого феномена ландшафта.

Во-вторых, иметь яркую *специфику* вплоть до уникальности. Любой ландшафт насыщен содержанием, но дана эта насыщенность и специфика обязательно и в теоретическом мире; теоретик может стремиться в такое отвечающее этим требованиям место, которое неинтересно для экспедиции, а турист его брезгливо обойдет. Дело в наличных способах усмотреть эту специфику, но это отнюдь не объективная интерперсональная универсалия. Различу для места насыщенность содержанием и экзотичность. Для жителя Средней России однообразные равнины почти сплошь распаханного лесостепного юга Сибири весьма экзотичны, но плотность их содержания мала; они интереснее в мелком масштабе, где читается четкий рисунок ландшафта на субkontинентальном уровне. Для наземного географа еще экзотичнее открытое море. Оно может вызывать яркие эмоционально-когнитивные состояния абсолютной несходством с сушей, генерировать ассоциации и креативные метафоры, но содержания он здесь не видит. Но для теоретика-оceanографа, растяющего морфологию морских волн содержание очень обильно. Это неизбежно — у каждого разряда путешественников и конкретных персон свои тематические акцентуации.

Именно они вместе с особыми объектами — реалиями феноменологически данного и одновременно «теоретического ландшафта» и определяют пространственный выбор маршрутов.

Не разворачивая представления об уникальности, скажу, что смысл понятия уникальность, хотя последняя обычно и сопутствует редкости — иной. *Уникальны* именно и только те места / отдельности, которые сходны (сопоставимы) с несходными (несопоставимыми) между собою объектами. Отсюда и их редкость. Это обеспечивает очень значительное, нетривиальное и необычно организованное содержание таких объектов. Всех тянет на Камчатку в силу яркости и богатства ее ландшафтов. Но Камчатка, если не сводить ее к небольшому рою туристических объектов — долина Гейзеров (в прошлом), Авачинская бухта, долина Паратунки с горячими источниками, действующие вулканы — это край, у которого немало аналогов разной степени общности. Вулканизмом Камчатка сродни Исландии (еще и отдаленностью и тем, что Камчатка транспортно — остров), таежными среднегорьями — Восточной Сиби-

⁸ Особенна опасна «государственная статистика» (ей питается вся отечественная «социально-экономическая география»), опросы «общественного мнения» и т.п.

ри, стянутостью человеческой жизни к приграничному побережью — советской Восточной Пруссии (на Камчатке и свой янтарь есть), ультраконцентрацией человеческой жизни в одном-единственном городе — Центру России... Список открыт. Но можно ли сформировать однородный класс сходных объектов, содержащий Исландию, Восточную Пруссию, Восточную Сибирь, Подмосковье???

Теоретик сам генерирует суждения о сходстве и сравнимости мест, нередко нетривиальные; сравнимы могут быть и несходные места. В этом и состоит ландшафтная специфика Камчатки — огромная «густая» внешняя география; туристическая аттрактивность — это следствие. Как же именно устроен культурный ландшафт в таком уникальном месте — вот вопрос, вот загадка, вот проблема... Казалось бы, в таком месте сами контуры управления должны быть особо тонко и чутко вписаны в ландшафт, а рисунок культурного ландшафта должен воспроизводить — а то и утрировать — уникальную природную основу. Ничего подобного. Обычное советско-постсоветское российское пространство. Это тоже вывод, сильный. **Подмосковье** демонстрирует тот же парадокс «равнодушия» властного и обыденного пространства к уникальному месту. Даже в самосознании жителей Камчатки (лето 1993 года) не было ничего своеобычного — ощущение заброшенности, шок покинутости (центральной властью), синдром периферии, чувство рушащегося советского бастиона — опять сходство с советской Пруссией. Такой ландшафт вдвое интересен для постижения — не только и не столько самого региона — сколько России в целом. Репрезентация многих разных несходных мест + тривиальная антропогенная трансформация уникальной природной основы.

Уникальные объекты привлекают двумя связанными атрибутами — они сверхнасыщены содержанием и репрезентируют огромные массивы объектов (мест) [3]. Это именно такие объекты, для которых особенно ярко выполняется закон прямого соотношения объема и содержания (собирательного) понятия [4]. Не входя в тонкости теории классификации, укажу, что *нетривиальный объем места — совокупный объем всех мест, соотносимых с данным местом* [10]. Телесно очень малое уникальное место имеет огромный объем и еще большее содержание в силу обширного пространственного положения и/или широкого поля репрезентации.

Иной, пропущенный мною любимый край — **Байкал**. Пребывающий в его средине остров Ольхон — яркая иллюстрация указанных черт уникального объекта — и ярость самого ландшафта с резкими контра-

стами, насыщенность, и громадное разнообразие и огромное поле репрезентации; еще и очень креативное место [5].

Именно комплексы уникальных объектов репрезентируют огромные территории, во-первых, ярче и, во-вторых, что существенно для путешествий с их ограничениями — гораздо экономнее. (Относится это и вообще к уникальности). Весьма важно и то, что именно уникальные места — наиболее сильный вызов и из-за названных особенностей чрезвычайно креативны, продуцируя острое состояние путешественности. Это тут случай, когда путешествующего теоретика и рафинированного туриста может тянуть в одну сторону и приводить в одно место. *Работа с концептами мест также во многом строится как путешествие в концептуальном пространстве.* Возникает парадоксальный тезис о настоящем путешествии как **полипутешествии**. Все семейство мест, связанных, сравнимых и соотносимых с конкретным местом — его **внешняя география**, тогда как «обычная» география — **внутренняя география**⁹. Уникальные объекты тогда могут быть интерпретированы как объекты с богатой взаимной проекцией внешней и внутренней географии. Именно внешняя география и актуализируется в концептуальном путешествии. Уникальные объекты с огромной насыщенной внешней географией (не только географией) и структурируют и земное и концептуальное пространство, требуя для его постижения именно путешествий и, в свою очередь, предполагая именно путешествия¹⁰.

Желанные теоретику места уникумами не исчерпываются, тем более что сосредотачиваться исключительно на них личностно и познавательно опасно из-за экзотизации впечатлений и концепций; перегруженное уникумами личностное знание теряет адекватность. Не менее важны **особые места** — существенные в логическом смысле, то есть такие без которых вмещающее целое не может быть представлено и мыслимо как целое. Для всего бывшего СССР, Северной Евразии и России (Россий) именно таков **Московский регион** [6]. Это яркое конкретное воплощение архетипа российского имперского пространства и его генератор. Это место — концепция в точном смысле, но в теле ландшафта; дело «лишь» в том, чтобы ее извлечь и облечь в понятия. Не одна географическая концепция вырос-

⁹ Отношением корреспондирует с отношением «внутренняя — внешняя системы» (Шрейдер Ю.А., Шаров А.А. Системы и модели. — М.: Радио и связь, 1982).

¹⁰ Подробный анализ такого места — Каганский В.Л. Ленточные боры равнинного Алтая глазами путешествующего теоретико-географа // Изв. АО РГО. 2017. №2 (45); пример жанра, выработанного для представления результатов путешествий теоретика.

ла из этой почвы. Даже концепция природного ландшафта в московской университетской транскрипции разработана на материале именно этой, самой освоенной зоны ландшафта России; и, кстати, встретила огромное сопротивления со стороны материала иных территорий и их концептуальных интерпретаций. Сама теоретическая география Б.Б. Родомана в сильном огрублении — теоретический портрет Большого Подмосковья, приложимый к неопределенно-широкому кругу мест; портрет потому с широчайшим полем презентации, что теоретически точный [7]. Вряд ли привлечет туриста этический, экологический антропологический кошмар Норильского Промышленного района, но существенно звено современной РФ, яркое и типичное; туристские же угодья не так далеко.

Важны места, притягательные типичной обыденностью, хотя скорее непривлекательны в обыденном смысле; могущие быть с этой точки зрения отвратительными. Это — дополняющий уникумы полюс; вместе взятые они и могут дать достаточно полное представление о большом целостном районе. Такова сейчас самая большая на планете зона руин культурного ландшафта — Внутренняя Периферия России — и даже внутренняя периферия больших городских агломераций. Если уникальные и особые места — это фокусы ландшафта и маршрута путешествия, то зоны обыденности — это его ландшафтный фон. Без обращения к нему сами фокусы непостижаемы. Без фона постижение неизбежно экзотизируется, с одной стороны, и резко огрубляется и обедняется — с другой. Общей картины не возникает. Популярные в «экспертном сообществе» картинки России — да и всех мест — именно таковы, их простота и тенденциозная неполнота карикатуры совершенно закономерны.

Подобно тому, как создавший и резко трансформирующий огромное подвластное пространство Московский регион теоретичен, концептуально аттрактивны и места, туриста отталкивающие. В моих путешествиях таковы ныне зовущийся Саровым **Арзамас-16**, первый советский закрытый (буквально) атомный город. Уже разработанная концепция советского пространства оказалась менее яркой и сочной, а может быть — и менее точной, нежели чем это, казалось бы, эмпирически данное (почти никому и никак не данное) место; но вполне его охватывала. Концентрация содержания Аразамаса-16 делала его чище и ярче обычного концептуального объекта, это **объект=концепция**. Это тоже особые точки — таково, кстати, и яркое синонимущение (не самосознание) обитателей [8].

Коль скоро этот очерк от первого лица, то нужно упомянуть и места и типы ландшафтов,

где хорошо думается, **лично-специфические креативные ландшафты**. Какая удача, если они на маршруте вместе с фокальными местами. Для меня такие ландшафты, совмещенные с уникумами — сокращающиеся фрагменты Подмосковья и Центральной России, среднего-горья (уточнение неуместно); некогда — чудные национальные парки Балтии.

*Для маршрута теоретика важны не только внешне (культурно) заданные места, но и места заданные внутренне, концептуально. Концепции поляризованного ландшафта и советского пространства придают особую роль стыкам регионов — медвежьи углы: позиционные антонимы обычных центров, особо теоретически и символически значимые. Эта метафора не раз овеществлялась — именно в таких местах Средней России и обнаруживались остатки популяции медведей и медвежьи охоты. А летом 2014 г., в год моего юбилея в Мордовском заповеднике именно в таком месте мне вдвойне повезло — я встретил медведицу с медвежатами (расстояние 5.2 м — последующий промер следов) и мне посчастливилось уйти живым. Иные такие места — **стык/пересечение природных и культурных границ**. Велика ценность заповедников и вообще особых природных уроцищ — не только в прямой функции, но и культурно-символического (и духовного?) полюса ландшафта, дополняющего административные и культурные центры.*

Интерес представляют и места с богатым и парадоксальным географическим положением, их можно числить как отдельно, так и как обширную подгруппу предыдущего. Летом 2013 г. я знакомился с Агрэзом и его окрестами. Парадоксальность его положения в том, что самый отдаленный райцентр Татарии — почти пригород центра иного региона (Удмуртия) — Ижевска. Причем Агрэз еще и буквально расположен на границе регионов (и «выплескивается» за эту границу), занимая в своем административном районе предельно эксцентричное положение. Сложность положения усиlena тем, что Агрэз — узел на общероссийской и трансконтинентальной железнодорожной магистрали. Какая «география» (пространственная форма) здесь сильнее — административная или социально-экономическая? что более значимо — общее географическое положение? положение прямо на пороговой и одновременно экстремальной границе с высоким градиентом? техническая роль в системе железных дорог? административный статус? каково наполнение границ и их функции?

Очень интересны места смены типов ландшафта как смены разных типов регулярностей, проявляющиеся яркими границами и

особенно узлами границ. Таковы и линии и переходные зоны смены закономерности. А как ярки **линии смены ведущих, характерных направлений** — удаляясь от центра узлового района с доминантой антропогенного характерного направления «центр — периферия» всегда оказываемся в области доминирования природных (природно-аграрных) «фоновых» характерных направлений, напр. зонального «север — юг», попадаем в иной мир. Но и при спуске с гор пересекаешь именно такую линию — вначале, наверху существенно и определяющее вертикальное направление, внизу — горизонтальное, широтное. Аналогична и граница поймы большой реки. Список открыт... Это своего рода границы «фазовых переходов» в ландшафте; линии смены доминирующие-фоновых закономерностей.

Интересны и существенны места с быстро меняющейся ландшафтным положением и ситуацией, с трансформацией и географического положения и институционального статуса — напр. бывшие внутренние границы СССР, ставшие внешними границами РФ; ландшафт на переломе; таковы и трофеиные регионы.

Разумеется, важно интересно продуктивно (но и утомительно), когда эти типы мест нанизаны на один маршрут. Такой маршрут выдался у меня в 1997 г:

- Красноярск с большим уникальным географическим положением:
 - природно-географическое — яркий четкий стык трех огромных природных стран с существенно и визуально различающимися ландшафтами,
 - пересечение субконтинентальной магистральной «великой реки» Енисей и степной субконтинентальной этнокультурно-контактной зоны,
 - транспортно-географическое, «месторазвитие» предопределившее большой город,
- ярчайшие, уникальные ландшафты Красноярские столбы,
 - весьма креативный ландшафт,
 - локус особой субкультуры («столбизм»),
 - фокус культурного самоопределения большого пространства
- Красноярск, сверхтиличный большой советский «город», сочетание огромной промышленности и недоразвитых центральных функций в огромной территории,
- близость к топографическому центру территории РФ,
- Красноярская ГЭС с уникальным гидротехническим сооружением — судоподъемником (на его монтаже работал и мой отец);
- объект=концепция Норильск¹¹.

Список концептуально выделенных мест открыт...

Теоретик может путешествовать по столь большим пространствам, что они не могут быть пройдены никакой серией конкретных маршрутов. Я сам путешествовал и путешествую по России в целом, а не только по ее фокальным точкам — и даже по странам, где вовсе не бывал, если мне удается представить их как концептуальное целое и врастить в свой концептуальный контекст.

Как именно путешествует теоретико-географ?

Но как же именно путешествует теоретико-географ? Мы видели, на что он смотрит. А видит-то что? Тут я не буду делать различий между разными путешествиями теоретика, тип взора которого хотя и неизменен, но сохраняет свое ядро в любом путешествии.

Видение путешественника-теоретика едино — он видит всё не по-отдельности, изолированно, как отдельные фрагменты некие комплексы природных и культурных тел в их местной конкретности — и еще более отдельно сообразные им теоретические конструкции. Здесь нет ни временной последовательности, ни процедуры совмещения, ни логического или эмпирического вывода одного из другого. Одновременно, одномоментно теоретик видит конкретное место как место концептуальное. Визуальное зрение ландшафта есть его умозрение. Но необходимо расчленение этих синтетических объектов при необходимости. Принципиально, что путешествия и концептуальные конструкции эффективно дополняют друг друга, будучи, во-первых, иногда слитными, а иногда и относительно независимыми видами работы, во-вторых, будучи достаточно многочисленными, и, в-третьих, будучи дополненными междисциплинарными представлениями.

Проходя по опушке, по стыку леса и поля или луга, как ходит всякий путник, теоретик существует по пороговой границе Бориса Родомана, контактной границе Владимира Каганского, границе-экотону Дмитрия Люри. Он идет по земле и движется в пространстве теоретической районистики и лимнологии. Он следует по обычной для опушки тропе или лесной / полевой дороге, и одновременно существует по тому идеальному ландшафту, где трассы привязаны именно к границам этих типов, и в его упругих шагах является себя теоретический парадокс, что граница такого типа суть трасса. Подходя же к реке, он входит не только в воду или на мостик, но и в теоретическое суждение о том, что кажется противоположным сказан-

¹¹ Подробнее Каганский В.Л. Енисейский дневник // 7 искусств, 2017 (в печати).

ному — трасса есть граница. Если он захочет, он сразу перейдет к границе города как пороговой, контактной границе — концентратору сообщений и линейному полюсу активности. Так лесная опушка в сотнях километров от Москвы, МКАД и граница России явят свое единство в одном теоретическом концепте; топографически они далеки друг от друга, но концептуально это разные транскрипции одного и тоже феномена. А привал этот путник, короткую остановку или лагерь для ночлега разобьет именно на опушке или на берегу реки или озера и непременно у ручья. На больших опушках, стыках ополий и полесий, пересеченных реками вставали старые русские города. Так теория позволяет перебрасываться из места в место, потому что только в эмпирическом ландшафте это разные, далекие и несравнимые места, а в теоретическом умозрении — это разные реализации одной и той же не слишком сложной закономерности.

Живя долгую — если повезет — жизнь теоретик путешествует не просто по меняющемуся ландшафту (ныне очень быстро и существенно меняется культурный ландшафт всей Северной Евразии) — он *путешествует по процессам*. «Мой» процесс инверсии контактной и барьерной функции границ (и вообще инверсии всей структуры советского пространства) или принятия на себя центром главных функций границы — реальные сейчас процессы превращения Москвы в главный медиатор-посредник всей Северной Евразии и остального мира, а равно и более интересное приобретение Большой Московской функции транзитной границы «Евразия / Европа». Когда я писал первый вариант, диалектика центра и границ воплощалась в Сочи на зимних олимпийских играх 2014: российская «Центральная Граница» исторически на мгновение стала временной столицей России и мирового зимнего спорта; летняя столица северной России оказалась мировой зимней столицей etc; одновременно и сопряженно шли пространственные и временные инверсии. Сделанный 15 лет назад анализ ландшафта Украины предусмотрел и нынешнюю ситуацию и процессы в этой стране.

Маршруты такого путешествия могут отличаться еще и особыми приемами. Мало следования по характерным линиям — их еще надо обнаружить, мало комплексировать эти линии — их надо создавать. Если обычное экспедиционное сканирование — это реализация одномерного профиля или разреза, то маршрут теоретика многомерен. Он нередко меняет направления, и для него направления не менее важны, чем расстояния.

Прибегая к метафоре, наш путешественник движется в кентавр-ландшафте — сочленении конкретного, данного, местного телесного

ландшафта и открытой совокупности его теоретических презентаций, открытой в том смысле, что концепции не локализованы, подобно телесным проявлениям ландшафта. Причем одна часть этого тела, с которым сливается теоретик — локальна и привязана к месту, а другая — концептуальная — нелокализована.

Взгляд путешествующего теоретика беднее взгляда обычного хорошо подготовленного экспедиционного исследователя-профессионала за счет теоретической идеализации, концентрации, акцентуации, генерализации, «отбрасывании» каких-то черт — осуществляется теоретическая сепарация, с молока обычного ландшафта снимаются сливки чистых концептуальных форм, генерируется концептуальное масло — эвристики и теоретические идеи; обрат — так обрат... В представленном енисейском маршруте можно было увидеть и многое другое. Но одновременно взгляд теоретика и многое богаче, поскольку он видит *иначе* и потому видит *иное*. Сформулирую это аккуратнее. Во-первых, за счет этой компаративной волны он видит конкретное место, насыщенное содержанием всех тех иных мест, что соединены общей теоретической идеализацией, видит в одном месте открытое множество иных мест. Во-вторых, теоретик достраивает видимое до идеальной формы, видит его как реализацию более общей и более богатой концептуальной структуры.

В определенном смысле *теоретик и путешествует в пространстве чистых концептуальных форм*. Это было бы определением просто теоретической работы (возможно, любой теоретической работы), если бы эти формы не были воплощены в материале ландшафта, смешаны, деформированы, наложены одна на другую и т.п. *Теоретик видит в ландшафте теоретическую возможность полноты и чистоты форм ландшафта, генерирует — в том числе и визуально — архетипы*.

Теоретик и обедняет ландшафт «отбрасываемая» теоретически нерелевантное — и обогащает, дополняя эмпирическое содержание до теоретически полного. Путешествующий теоретик спонтанно достраивает ландшафт до идеального и творчески его созерцает. Присущие ландшафту особенности и не отбрасываются и не исказжаются — они теоретически рафинируются. За счет концептуального соотнесения с аналогами конкретный объект насыщается иными, становится полнее, а иногда и чище формой.

Как и что видит и постигает путешественник-теоретик?

Места, конкретные места он видит / чувствует / понимает как идеи места. Идея места —

его особый компонент. Но так бывает и у мест, созданных как воплощение определенных идей. Тогда идея места — это наложение концептуальной волны на конкретное место, их синтез. Можно в путешествии познавать конкретный Нижний Тагил, а можно увидеть это место как воплощение ландшафтной идеи старого уральского города (с разворачиваем ее в закономерную территориальную форму), и еще идеи советского индустриального города и второго города большого постсоветского региона. *Теоретик видит место как идею места в ее конкретности.* Иногда это очень большая содержанием идея (комплекс идей) — таков Петербург.

Вот здесь возможен переход от видения идеи места к идеи, его породившей. «Византийское наследство» наложилось, даже впечаталось в ландшафт нашей страны не непосредственно (хотя во многом и буквально), а посредством букета идей и ценностей. Поэтому теоретик путешествует и в том секторе мира идей, которые, будучи спроектированы в план земного ландшафта, воплотились в конкретных местах и создали эти места; иногда это большое открытое семейство мест. Петербургский стиль, позже деградировавший до схем ленинградских «зодчих», больше, нежели стиль, эта внешняя форма, наложившаяся на ландшафт — и читается чуть не по всей Северной Евразии. Не только регулярность, но и обустройство места наперекор внутренней исходной форме ландшафта; Петербург в дельте Невы с неизбежными наводнениями. Именно антиландшафтная регулярность Норильска, минутами в году читаемая как парадность, особенно усугубляет там условия жизни. Для теоретика эти идеи не менее реальны, нежели конкретные места, но он не подменяет историка или культуролога — он прочитывает изумительное богатство идей места Петербурга, но не занимается рецепцией идей Великого посольства и их градостроительного воплощения. Комплекс (полный комплект?) идей Петербурга, его архетип как мирового города = центра — концептуальный охват большого пространства множеством идеальных форм с неограниченной открытой сферой влияния вплоть до экстерриториальности, транслокальности. Но есть и упрощенное и локально конкретное воплощение архетипа Петербурга — Оренбург.

Идеализация возможна не только в мире понятий. *Видение путешественника превращает реальное эмпирически место в идеальное.* Всякое место можно трактовать как наложение разных идеальных форм и сопряженных с ними регулярностей, которые то обогащают друг друга, то мешают друг другу полностью воплотиться. Центральное положение Москвы в Волго-Окском междуречье и узловое место

на берегу Москвы-реки взаимно усиливают потенции центра; но идеальная симметрия трансформирована анизотропностью среды, появились выделенные направления. Логика развертывания потенций московской агломерации вширь, во все стороны, связанная с наземным транспортом оттеснила иную логику — развертывания агломерации вниз по течению квазипараллельных рек — Клязьмы и Москвы. Вот эти чистые формы ландшафта, «замутненные» при воплощении и видят теоретик. Например, чистую радиально-концентрическую форму большого города, требующую пространства плоской большой равнины без помех, то есть симметричную; эмпирическая Москва несколько — и все больше — иная. Иногда эта «московская» радиал-концентричность внезапно воплощается в месте совсем неподходящем — в приморском Петербурге. Идеи сами путешествуют, а здесь развертывание потенции архетипа центрального места «приятнуло» кольца, изначально чужды Питеру в дельте. Париж и Москва оказываются одним местом, местом одной и той же идеи, разными эмпирическими референтами одного теоретического концепта [9]. Но и Москва и Петербург — реализации одного архетипа «Центр Большого Имперского Пространства». Но Москва воплотила много и иных ландшафтных идей, а некоторые не реализовались, хотя потенциально были присущи местоположению. Признанное выдающимся географическое положение Москвы беднее изначально, нежели у Коломны: все то же самое, только еще вторая большая судоходная река — но вокруг Коломны труднее было развиться симметрично-полирадиальной структуре. Владивосток в бухте Золотой Рог так и не стал тихоокеанским Константинополем. Характерно, что в обильной литературе по Москве полный список идей ее места не представлен, архетип не описан. Тому есть объяснение. Большое место — большой букет идей — большой комплекс личностного знания — крупная личность...

Здесь диалектика: *места прочитываются как идеи мест — идеи воплощены в местах.* Так Норильск — дерзкий вызов создания и поддержания большого поселения в нечеловеческой зоне (стоивший жизни сотням тысяч жертв), «город» наперекор природе, как и все советское пространство. Тут налицо важная интересная проблема — своей сделанностью, надландшафтностью, имперской советское пространство — грубый шарж на питерскую парадигму; эта связь смысловая или генетическая? И вообще советское пространство — извращенно-превращенное московское или новгородско-питерское? Ландшафт, генерированный сверху для решения определенных

задач, то есть периферия и даже ультрапериферия. Читаются несколько идей, реализацией которых предстает конкретное место. *Антиландшафт* наперекор всем закономерностям нормального (полноценного) культурного ландшафта.

А вот в примечательном городе **Ветлуга** (ветшающем, как все города Внутренней Периферии) читается идея города на своем месте. Немалая река Ветлуга (левый приток Волги длиною 900 км), судоходная в прошлом на 700 км, высокий сухой правый берег, место удобное для переправы, поселения и центра округи, живая сельская округа, промыслы, лесное дело — былая скромная состоятельность и самостоятельность. Но вначале железные, а потом и автомобильные дороги трансформировали ландшафт, реки потеряли и теряют свое значение — и Ветлуга пала жертвой этих трансформаций. Ветлуга при росте пароходного сообщения наращивала размер, полноценность социальной и культурной жизни местного сообщества, функции и сферу влияния — при вытеснении судоходства наземным транспортом она все это почти утратила. Это звено большой волны концентрации, деконцентрации и реконцентрации населения. Вот так в конкретном городе прочитывается несколько больших глобальных процессов — смена не просто транспортного каркаса в вековой перспективе — смена каркаса расселения и всего культурного ландшафта, уход России (только ли России) от своих рек и запустение приречных территорий. Читаются в Ветлуге и утраченные / упускаемые возможности места, и потеря краем своей идентичности, и утрата социального контроля околотка. Так, невдалеке вырос экстерриториальный индуистский поселок Ди-вья Лока, но без всякой связи с городом (по последним сведениям поселение ликвидировано; достоверной информации нет; на космоснимке — антропогенный ландшафт). Ландшафт, по умолчанию сплошной и цельный, здесь и вообще сейчас в России фрагментируется на несвязанные и безразличные друг другу места. Уж не путешествия ли их сейчас единственно и связывают...

Теоретическая полнота видения идеальной формы места, его «идеи» — видение и всего спектра возможностей, всего пространства возможных состояний. Конкретное место в путешествии теоретика превращает конкретную реализованную форму в более богатую потенциальную. **Теоретическое путешествие — пребывание во всем пространстве ландшафтных возможностей места.** Такое путешествие — одновременно путешествие по пространству ландшафта и по пространству его возможностей; конкретное место видится

как место и в пространстве возможностей, что существенно расширяет контекст. При этом наблюдаемо и пространство утраченных возможностей, они очень ярко меняют ландшафт (не только); сюжет для нашей страны актуальный.

Но не сводится ли таким образом вся теоретическая и даже исследовательская и даже «постижительная» деятельность к путешествию — нет, но в ней является себя значительный компонент путешествия, коль скоро знание (и сфера познавания) является (предъявляет?) себя как пространство, некоторая сложная сеть; утверждения и модели когнитивистики и искусственного интеллекта¹²). Но почему же не путешествовать по пространству сети? И каким же образом я путешествовал по междисциплинарному пространству с центром в теории классификации?

Что именно дали мне путешествия?

Идеи / эвристики / наблюдения / концепты / интерпретации

I. Теоретические концепты

путешествие как особый образ жизни и деятельности

- различие «путешествие — туризм»
- различие «экспедиция — путешествие»

путешествие как обязательный компонент нормальной жизни

путешествие как тип и способ познавательной жизни

- путешествия теоретика как жанр и вид теоретической работы

- путешествие теоретика как особый вид полевого исследования

II. Общие положения концепции ландшафта

- различие антропогенного и культурного ландшафта

- ландшафт как проективный тест для культуры

- «чтение» культуры по ландшафту
- неоднозначная связь с природной основой

III. Состояние и процессы в российском ландшафте

- культурная реабилитация ландшафта в Северной Евразии,

- «восстановление» и автономизацию ландшафта,

- возобновление спонтанного действия «логики ландшафта»,

- статусная детерминация постепенно замещается позиционной,

¹² Поиск в Интернете на «знание сеть» выдает миллионы ответов, но поиск на «знание как сеть» не дал ничего!

- но! ресоветизация ландшафта
- важные особенности современной российской культуры / общества
- редкость полноценного культурного ландшафта на территории РФ
- открытая проблема: приближается ли пространство РФ к (полноценному) культурному ландшафту или удаляется от него?
- сохранность досоветской культурной почвы и ее вариантов,
- явное византийское наследство в российском ландшафте,
- имперскость ландшафта,
- новая резчайшая поляризация пространства РФ на всех уровнях,
- тотальная фрагментаризация ландшафта, сопряженная с фрагментаризацией «общества», бум создания внутренних телесных и символических границ,
- мания огораживания ячеек всех типов, размеров и уровней,
- инверсия внешних и внутренних границ,
- поведение в ландшафте массовых групп населения;
- реальное отношение масс к ландшафту, в т.ч. к особо ценным местам
- пространственная невменяемость
- фактический ландшафтоцид и экоцид
- экоцид, переходящий в массовое суицидальное взаимодействие с ландшафтом посредством уничтожения вмещающего ландшафта
- тотальная ксенофобия, «ландшафт посторонних»
 - ландшафтофильные и ландшафтофобные группы;
 - сакрализация ландшафта
 - новое ландшафтное язычество
 - ценностно-символическая поляризация ландшафта
 - бурная мифологизация ландшафта,
 - бурная псевдосакрализация и сакрализация ландшафта,
 - и уже его клерикализация
 - дачный бум и формирование нового пригородного ландшафта,
 - пригороды как вместилище взаимно-антагонистических групп и ландшафтных практик
 - массовость спонтанной ренатурализации ландшафта
 - спонтанная эконетизация ландшафта
 - плакоризация антропогенной сферы
 - спонтанная эконетизация рек
 - реальное — острое и бурное — самоопределение мест,

- краеведческий и музейный бум
- становление новых пространственных идентичностей
- на основе новых и старых границ и центров

IV. Места, типы мест и ландшафтов

- обнаружение и уяснение нетривиальных и неизвестных (малоизвестных) типов, состояний и процессов культурного ландшафта,
- современная российская Провинция
- специфика, закономерность, массивность, рост Внутренней Периферии;
- синдром периферии
- новая формация ландшафта «русская саванна» (с Б.Б. Родоманом)
- природные заповедники как фокусы культурного ландшафта;
- реальный бум и специфика приграничных территорий;
- трофеинные ландшафты,
- бум «вторых городов»;
- (список открыт).

Библиографический список

1. Каганский В.Л. Постмодерн. Ландшафт. Россия // Лабиринт <http://journal-labirint.com/wp-content/uploads/2016/07/Kagansky.pdf> (7 ссылка)
2. Каганский В. Как устроена Россия? Портрет культурного ландшафта (электронная книга) // <http://fanread.ru/book/10364634/?page=1> (10 ссылка)
3. Каганский В.Л. Родник планеты и сакральный локус // НГ-экология, 2017, № 1. (11)
4. Каганский В.Л. Классификация, районирование и картирование семантических пространств // Научно-техническая информация, серия 2, 1991, № 3. (12)
5. Каганский В.Л. Байкал как глобальная проблема // Экологический риск. Мат-лы IV Всерос. научной конф., Иркутск, 2017. (14)
6. Каганский В.Л. Природно-государственный ландшафт Северной Евразии: теоретическая география // Социально-экономическая география: традиции и современность. М. — Смоленск: Ойкумена, 2009. (17)
7. Каганский В.Л. Развивающая критика теоретической географии Б.Б. Родомана // Проблемы теоретической и гуманитарной географии. — М.: Ин-т наследия, 2013. (18)
8. Каганский В. На чем Москва стоит. Особая точка // Неприкосновенный запас, 5, 1999. (19)
9. Каганский В.Л. Россия=Франция // География. 2002. № 29. <http://geo.1september.ru>. (21)
10. Чебанов С.В. Мерономия С.В. Мейена: к 40-летию формулирования // LETHAEA ROSSICA. РОССИЙСКИЙ ПАЛЕОБОТАНИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ, 2017, т. 14. (13)